

Каюмова Амели Ленаровна, бакалавр,
ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения»
Kayumova Ameli Lenarovna,
State University of Education

СТАТУС И ВЛИЯНИЕ ЖЕНЩИН В СФЕРЕ ПОЛИТИКИ И КУЛЬТУРЫ STATUS AND INFLUENCE OF WOMEN IN POLITICS AND CULTURE

Аннотация. Данная статья представляет собой комплексный анализ статуса и влияния женщин в двух значимых областях общественной жизни – политике и культуре. Исследование исходит из предпосылки, что, несмотря на исторически сложившиеся превосходство патриархальных структур, последние десятилетия отмечены значительной трансформацией роли женщин как субъектов власти и культурного производства. В политической сфере автором рассматривается эволюция от формального права участия к реальному политическому влиянию, анализируются такие феномены, как гендерные квоты, особенности женского политического лидерства и институциональные барьеры, сохраняющиеся в партийных системах и государственных институтах. В сфере культуры исследование фокусируется на переходе женщин от положения объектов культурной репрезентации к статусу активных творцов, формирующих дискурс и эстетические каноны. Особое внимание уделяется взаимовлиянию этих двух сфер: как культурные образы и стереотипы воздействуют на политическую карьеру женщин, и, наоборот, как политика полового вопроса, продвигаемая женщинами-политиками, создает условия для более репрезентативного культурного поля. На основе междисциплинарного подхода, синтезирующего данные политологии, социологии, культурологии и гендерных исследований, делается вывод о нелинейном, но необратимом характере усиления влияния женщин, которое ведет к качественному изменению как политических практик, так и культурного ландшафта, способствуя построению более инклюзивного общества.

Abstract. This article provides a comprehensive analysis of the status and influence of women in two significant areas of public life: politics and culture. The study assumes that, despite the historical dominance of patriarchal structures, recent decades have seen a significant transformation in the role of women as agents of power and cultural production. In the political sphere, the author examines the evolution from formal participation rights to actual political influence, analyzing phenomena such as gender quotas, the characteristics of female political leadership, and the institutional barriers that persist in party systems and government institutions. In the field of culture, the research focuses on the transition of women from the position of objects of cultural representation to the status of active creators who form discourse and aesthetic canons. Special attention is paid to the mutual influence of these two spheres.: how cultural images and stereotypes affect women's political careers, and, conversely, how the politics of gender promoted by female politicians creates the conditions for a more representative cultural field. Based on an interdisciplinary approach that synthesizes data from political science, sociology, cultural studies, and gender research, the article concludes that the increase in women's influence is a nonlinear but irreversible process that leads to a qualitative change in both political practices and the cultural landscape, contributing to the construction of a more inclusive society.

Ключевые слова: Женское лидерство, политическое влияние, гендерные квоты, стеклянный потолок, феминизм, стереотип, влияние.

Keywords: Women's leadership, political influence, gender quotas, glass ceiling, feminism, stereotype, influence.



Введение

Проблема статуса и влияния женщин в сфере общественной жизни остается одной из наиболее актуальных в современном социально-гуманитарном знании. Аксиомой в настоящее время можно считать положение, что различия по признаку пола не заданы и не закреплены природой; они осуществляются человеком, изменяются и формируются (конструируются) вместе с культурой в процессе социализации, являясь культурным и социальным конструктом [1]. Данная проблематика часто является основой для дискуссий среди научных специалистов в таких сферах как: политология, история, культурология, социология, психология и другие. Многие ученые (Дж. Батлер, М. Мид, М. Барр, Э. Бертрам и др.) сходятся во мнении: хотя биология и важна, главной причиной устойчивого разделения социальных ролей по признаку пола является не она. Общество само создает понятия женственности и мужественности. Эти понятия – не биологическая данность, а культурные установки, которые определяют положение человека в обществе и характер его социальных практик. Почему же общество заостряет внимание на гендерном разделении? Откуда исходит патриархальный принцип, что мужчина – полноценный человек, субъект истории и политики, женщина – существо сомнительное, объект его власти [2; с. 8-9].

Однако процессы модернизации, волны феминистских движений и глобализация прав человека привели к кардинальному пересмотру этих парадигм. Цель данной статьи – проанализировать траектории изменения статуса женщин от периферии к центру политической власти и культурной сферы, выявить структурные и символические барьеры, а также оценить характер и глубину их влияния на преобразование этих сфер.

Политическая сфера: между представительством и реальным влиянием

Достижение женщинами избирательных прав в XX веке стало отправной точкой, но лишь первым шагом на пути к политическому равноправию. На современном этапе ключевой показатель – не просто право быть избранной, а фактическое присутствие в законодательных и исполнительных органах власти. Женщины, прорвавшиеся в парламенты и правительственные кабинеты, изначально выступали скорее политическими маргиналами, нежели триггерами системных изменений. Их мандаты, безусловно, знаменовали исторические вехи, однако чаще носили характер символических жестов, нежели предвещали скорую демократизацию гендерного состава элит. Показателен пример Сиримаво Бандаранаике, которая, став в 1960 году первой в мире женщиной-премьер-министром (Шри-Ланка), тем не менее, осталась исключением, а не правилом [3]. Это новаторское достижение не спровоцировало лавинообразного притока женщин в высшие эшелоны власти, продемонстрировав разрыв между единичным символическим прорывом и коллективной трансформацией. По оценкам ООН, «критическая масса» женщин в них должна быть не менее 30%, чтобы их голос был услышан. В странах, где этот показатель достигнут, парламенты более склонны принимать законы, учитывающие интересы как можно большего числа сторон. Именно поэтому и желательно присутствие женщин в политике на разных уровнях [4].

Доступ женщин к политической власти долгое время ограничивался не только юридическими барьерами, но и комплексом социально-культурных норм, связывающих публичную деятельность с мужской природой.

Мы рассмотрим представительство женщин в публичной политике на примере Российской Федерации. Гендерный дисбаланс в политической сфере является одним из наиболее очевидных проявлений проблемы. Хотя женщины составляют около 54% населения и обладают высоким уровнем образования, их доступ к позициям реальной политической власти резко ограничен. Несмотря на то, что на государственной гражданской службе сейчас женщин более чем в 2 раза больше, чем мужчин, это не служит основанием для утверждения, что в политической сфере достаточное представительство женщин. Ведь эти 70%



представительниц женского пола в основном занимают должности на постах, не требующих принятия решений. В массовом сознании и среди элит сохраняются представления о политике как о «неженском деле» и о власти как о монолитной, иерархической структуре, чуждой идее диверсификации. В то время как большая часть из 30% мужчин занимают руководящие должности [5, с. 66].

Для преодоления этого дисбаланса многие страны внедрили инструмент «гендерные квоты» как метод вовлечения женщин в политическую жизнь государства. Гендерное квотирование подразумевает выделение определенного количества мест или процента мест от общей суммы парламентариев/участников политической партии/кандидатов на определенную должность женщинам. Обычно им заранее выделяется от 30 до 40% мест, либо же ставится цель достигнуть полного паритета полов, 50/50 [6]. Примером проактивной законотворческой деятельности в сфере гендерной политики служит заседание парламентского комитета Черногории. В рамках обсуждения была предложена законодательная норма, устанавливающая 40-процентную квоту для граждан недостаточно представленного пола. Отличительной чертой предложения является комплексный подход: оно сочетает квотирование с требованием к структуре списков (включение не менее одной женщины в каждые три позиции) и введением санкций за несоблюдение. Инициатива, одобренная Программой развития Организации Объединенных Наций и национальными женскими сетями, позиционируется как действенный инструмент для обеспечения гендерного баланса в выборных органах власти [7]. Концепция «**быстрого трека**», представляет собой не просто констатацию эффективности квот, а целостную теорию изменения политического ландшафта. Ярким примером служит опыт России, где отсутствие законодательно закрепленных общенациональных квот остается ключевым сдерживающим фактором. Принятие соответствующего закона в 1990-е годы так и не смогло пролоббировать в Государственной Думе даже такое заметное общественно-политическое движение, как «Женщины России». В результате, в органах государственной власти различного уровня женщины по-прежнему представлены неравномерно и непропорционально, что консервирует гендерный дисбаланс и делает невозможным достижение реального гендерного равенства без целенаправленных институциональных вмешательств [8; с. 67]. На федеральном уровне женщин в Государственной Думе более 17%, в Совете Федерации – около 19% [9]. Важнейшим теоретическим вкладом Д. Далеруп является развитие идеи «**критической массы**». Согласно её выводам, количественный рост имеет качественный порог (примерно 30-40%). До его достижения женщины-политики, будучи меньшинством, часто вынуждены адаптироваться к доминирующим (мужским) нормам и стилям работы. Преодоление порога критической массы создает предпосылки для трансформации политической культуры, повестки дня и самих институтов, позволяя женщинам действовать как «**коллективному актору**» с большей свободой в продвижении иных приоритетов.

Реальное влияние связано с возможностью определять приоритеты и распределять ресурсы. Здесь женщины сталкиваются с феноменом «**стеклянного потолка**» – невидимыми, но непреодолимыми барьерами на пути к высшим эшелонам власти. В исполнительных органах они чаще концентрируются в «мягких» министерствах (социальная политика, образование, культура), тогда как «силовые» и экономические блоки остаются мужскими цитаделями [10]. Стиль женского лидерства часто подвергается двойной оценке: от женщин ожидают как «мужской» решительности, так и «женской» эмпатии, что создает парадоксальные и завышенные требования. Тем не менее, работа П. Пиппы Норрис и Р. Инглхарта показывает, что увеличение числа женщин в политике способствует большей фокусировке на таких вопросах, как здравоохранение, образование, защита детей и экология, что меняет общую повестку дня [11; с. 134].



Важнейшим институтом, формирующим политические карьеры, являются **политические партии**. Почти 90% политических партий возглавляют мужчины, и нарушения монополии мужчин на высшие посты почти не происходит, несмотря на тот факт, что практически все политические партии сегодня номинально обязуются предоставлять мужчинам и женщинам равные возможности [12]. Данный тезис находит яркое подтверждение в специфике российской партийной системы, характеризующейся доминированием одной партии с жесткой вертикальной иерархией. «Единая Россия» (ЕР) функционирует как центральный институт рекрутирования и селекции политико-административной элиты. Формальное гендерное представительство здесь обеспечивается законодательными нормами (требование к составу федеральных партийных списков), что привело к заметной доле женщин-депутатов от ЕР в Государственной Думе. Однако качественный анализ распределения позиций реального влияния выявляет устойчивое неравенство. Среди представителей ЕР доля женщин на разных уровнях власти варьируется. В региональных парламентах они занимают 19% мест, в администрациях областных центров – 24%. При этом в органах местного самоуправления их представительство достигает 48%, что почти в два раза выше, чем на региональном уровне [13]. Прочие парламентские партии (КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия – За правду»), несмотря на различия в идеологии, также демонстрируют воспроизводство патриархальных моделей в своих внутренних структурах. Высшее руководство этих партий остается преимущественно мужским, а продвижение женщин чаще ограничивается определенными тематическими нишами или носит символический характер. Даже в исторически либеральных партиях несистемной оппозиции (например, «Яблоко»), декларировавших внутрипартийную демократию, прослеживались дискуссии о «стеклянном потолке», что указывает на глубинный характер гендерных барьеров, укорененных не только в формальных правилах, но и в неформальных практиках и представлениях о лидерстве.

Таким образом, политическая сфера демонстрирует противоречивую динамику: прогресс в количественном представительстве не автоматически влечет за собой качественные изменения в распределении власти, но создает необходимую критическую массу для потенциальной трансформации.

Культурная сфера: от объекта репрезентации к субъекту творчества

Если политика – сфера распределения материальной власти, то культура – сфера производства символической власти, определяющей, какие нарративы, ценности и идентичности считаются легитимными [14]. Искусство, в частности живопись, является одной из наиболее чувствительных мембран, которая не только отражает политические и социальные сдвиги, но и активно формирует их, создавая новые образы, иконографии и, в конечном итоге, новые культурные коды.

Исторически доминирующий культурный канон создавался мужчинами и для мужчин, отводя женщине роль музы, модели или потребительницы, но редко – создательницы.

Репрезентация женщин в искусстве, литературе, медиа и рекламе долгое время служила укреплению патриархальных стереотипов. Как показал Джон Бёрджер в своей классической работе, в западной визуальной культуре мужчина выступает как носитель «взгляда», а женщина – как его объект, «представляемая» для мужской аудитории [15; с. 49-59]. Произведения Тициана («Венера Урбинская» 1538 [16]), Энгра («Большая одалиска» 1814 [17]) представляют женское тело как идеализированный, пассивный объект для мужского созерцания. Композиционно женщина помещена в замкнутое приватное пространство (спальня, баня, гарем), лишена атрибутов действия, её взгляд часто избегает контакта со зрителем или направлен в сторону. Женщина принадлежит приватной сфере, её функция – эстетическое и репродуктивное обслуживание. Её тело политизируется как территория, не предназначенная для публичной демонстрации и активности. Данный визуальный канон



напрямую обосновывал политическое исключение. Если сущность женщины – в её приватности и телесности, то её присутствие в публичной, рациональной и абстрактной сфере политики объявлялось «неестественным». Это был ключевой аргумент против суфражистского движения в XIX – начале XX вв.

Критический анализ этих репрезентаций стал ядром феминистской культурной критики 1970-х годов. Линда Нохлин в знаменитом эссе «Почему не было великих художниц?» сместила фокус с поиска гениальных личностей на анализ институциональных барьеров: отсутствие доступа к художественному образованию, профессиональным сетям и системе покровительства [18].

Прорыв женщин в качестве **субъектов культурного производства** связан с борьбой за право на собственный голос, тело и историю [19]. В литературе это выразилось в создании «женской прозы», исследующей внутренний мир и опыт, маргинализированный в маскулинном мейнстриме. В кино режиссеры-женщины (например, Агнешка Холланд, Кэтрин Бигелоу, Андреа Арнольд) переопределили способы киноповествования, предлагая альтернативные точки съемки и сюжетные ходы.

В академической сфере возникли гендерные исследования, институционализировавшие критический взгляд на производство знания (Исследование Елены Александровны Зевелевой и Константина Андреевича Кокунова посвящено анализу гендерных стереотипов в образовательной системе и их влияния на академические успехи и профессиональные предпочтения учащихся. Статья «Гендерные исследования как зеркало постсоветской академии» Елены Гаповой).

Однако, как и в политике, здесь существует своя иерархия. Женщины добились значительного успеха в «периферийных» (с точки зрения традиционного канона) областях. Например, в жанровой литературе и performance-арте (Н.К. Джемисин, Марина Абрамович). Доступ к руководству крупными культурными институциями (престижными музеями, киностудиями, издательскими домами, ведущими СМИ) по-прежнему ограничен. Контроль над «культурными фабриками» часто остается в руках мужчин, что влияет на то, какие проекты получают финансирование и общественное признание.

Синергетический эффект и взаимовлияние политики и культуры

Политическая и культурная сферы не существуют изолированно. Их взаимосвязь носит диалектический характер, создавая как порочные круги неравенства, так и виртуальные спирали прогресса.

С одной стороны, культурные нормы и стереотипы легитимизируют политическое неравенство. Устойчивые представления о «естественном» предназначении полов, ассоциация лидерства с маскулинными качествами (агрессивность, рациональность, решительность) создают невыгодный для женщин «информационный фон» во время избирательных кампаний и затрудняют их восприятие в качестве компетентных лидеров. Массмедиа, как часть культурной индустрии, часто воспроизводят эти стереотипы через язык, образы и выбор тем для освещения.

С другой стороны, политические решения и законодательство способны трансформировать культурный ландшафт. Законы о гендерном равенстве, борьба с дискриминацией и домогательствами, государственное финансирование проектов, продвигающих гендерное разнообразие в культуре, – все это создает новые «правила игры». Квоты в политике выполняют не только утилитарную, но и мощную символическую функцию: они делают женское лидерство видимым, нормализуют его, создавая новые культурные образцы для подражания. Политики-женщины становятся публичными фигурами, чьи речи, стиль и биографии входят в общественный дискурс.



Именно на стыке политики и культуры работают наиболее эффективные стратегии изменений. Феминистское движение всегда использовало культурные практики (литературу, искусство, перформансы) как инструмент политической мобилизации и агитации. Современные цифровые кампании (#MeToo, #ЯНеБоюсьСказать) наглядно демонстрируют, как культурный акт – публичное свидетельство – может запустить глобальную политическую дискуссию и привести к изменениям в законодательстве и корпоративных политиках. Эти кампании также показали, как коллективное действие, инициированное в культурном поле, способно напрямую влиять на распределение власти, приводя к отставкам влиятельных фигур [20; с. 240]. Таким образом, диалектика политики и культуры в сфере гендерного равенства представляет собой не линейный прогресс, а сложное поле борьбы, переговоров и коэволюции. Культура обеспечивает «почву» легитимации для политических институтов, а политика, в свою очередь, выступает «инженером», способным сознательно трансформировать эту почву. Наиболее устойчивые изменения происходят там, где синхронизированы усилия по институциональным реформам (политика) и изменению нарративов, образов и повседневных практик (культура). Будущие исследования должны быть сосредоточены на микроуровне этого взаимодействия – на том, как конкретные политические акты «встраиваются» в культурную ткань и как повседневные культурные акты сопротивления кристаллизуются в новые политические требования

Заключение

Анализ статуса и влияния женщин в политике и культуре позволяет сделать вывод о сложной, нелинейной, но в долгосрочной перспективе позитивной динамике. Формальные барьеры в значительной степени преодолены, однако на смену им пришли более тонкие и системные формы неравенства, укорененные в институциональных практиках и глубоких пластах коллективного бессознательного. Прогресс в одной сфере неизбежно стимулирует изменения в другой: увеличение числа женщин в парламенте повышает чувствительность государства к вопросам гендерного насилия и репрезентации, что, в свою очередь, находит отражение в культурной политике и медиасреде. Культурная же революция, ломающая старые стереотипы, создает более благоприятную среду для восприятия женщин как лидеров.

Перспективы дальнейшего движения к подлинному равенству связаны с необходимостью двойной стратегии: продолжения институциональных реформ (совершенствование квот, борьба с харассментом, поддержка родителей-политиков) и углубленной культурной трансформации через образование, медиа и искусство. Будущие исследования должны быть сфокусированы на анализе конкретных механизмов передачи власти внутри неформальных сетей, экономических аспектах гендерного неравенства в культурных индустриях, а также на сравнительных кросскультурных исследованиях, учитывающих специфику незападных обществ. Только синхронное воздействие на политические институты и культурные коды может привести к созданию инклюзивной публичной сферы, где статус и влияние определяются не гендером, а личными способностями и вкладом в общественное благо.

Список литературы:

1. В.Н. Кардапольцева Женственность как социокультурный конструкт // Вестник РУДН, серия Социология, 2005, № 1(8). С. 62-76 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenstvinnost-kak-sotsiokulturnyy-konstruktsiya/viewer> (дата обращения 19.03.26)
2. Бовуар, С. де. Второй пол. – М.: Прогресс, 1997. – 832 с.
3. От Голды Меир до Индиры Ганди: как женщины становились премьер-министрами [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/473695-ot-goldy-meir-do-indiry-gandi-kak-zensiny-stanovilis-prem-er-ministrami> (дата обращения 19.03.26)



4. Не меньше 30% в парламенте: почему участие женщин в политике должно стать рутиной [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forbes.ru/forbes-woman/513075-ne-men-se-30-v-parlamente-rosemu-ucastie-zensin-v-politike-dolzno-stat-rutinoj> (дата обращения 19.03.26)

5. Ребрикова Анастасия Геннадьевна Женское представительство в органах государственной власти Российской Федерации в период с 1991 по 2023 гг. // Государственное управление. Электронный вестник Выпуск № 105. Август 2024 г. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskoe-predstavitelstvo-v-organah-gosudarstvennoy-vlasti-rossiyskoj-federatsii-v-period-s-1991-po-2023-gg> (дата обращения 19.03.26)

6. Drude Dahlerup. Increasing Women's Political Representation: New Trends in Gender Quotas. // Stockholm: International Idea, 2005. S 39-41.

7. UNDP supports the introduction of a 40% quota for the less represented gender in Parliament [Электронный ресурс]. URL: <https://www.undp.org/montenegro/press-releases/undp-supports-introduction-40-quota-less-represented-gender-parliament> (дата обращения 19.03.26)

8. Бурлак Т. А. Гендерный фактор в российской политике // ОБОЗРЕВАТЕЛЬ. № 10. 2013. С. 064-070. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-faktor-v-rossiyskoj-politike> (дата обращения 19.03.26)

9. Женская эпоха [Электронный ресурс]. URL: <https://kuban.plus.rbc.ru/news/67fcc5787a8aa9aed6694e0e> (дата обращения 19.03.26)

10. Hierarchies, Jobs, Bodies: A Theory of Gendered Organization // Gender and Society, Vol. 4, No. 2 (Jun., 1990), pp. 139- 158

11. Pippa Norris and Ronald Inglehart Cultural Obstacles to Equal Representation // Journal of Democracy. - July 2001. - № 12(3). - С. 126-140.

12. 16. Гендерная асимметрия в политике [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2010/07/25/550> (дата обращения 19.03.26)

13. Владимир Якушев: «По итогам ЕДГ-2025 порядка 31% мандатов получили женщины, участвовавшие в выборах от «Единой России» [Электронный ресурс]. URL: <https://kavkaz.mk.ru/politics/2025/10/15/vladimir-yakushev-po-itogam-edg2025-poryadka-31-mandatov-poluchili-zhenshhiny-uchastvovavshie-v-vyborakh-ot-edinoy-rossii.html> (дата обращения 19.03.26)

14. Бурдые, П. Мужское господство / пер. с франц. Марковой Ю.В. // Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб. Алетейя, 2005. С. 286-364.

15. Бергер, Дж. Искусство видеть / пер. с англ. Е. Шрага. - М.: Клаудберри, 2012. - 184 с.

16. Венера Урбинская: любопытные и спорные факты о впечатляющем шедевре Тициана [Электронный ресурс]. URL: <https://kulturologia.ru/blogs/020917/35838/> (дата обращения 19.03.26)

17. Жан Огюст Доминик Энгр. Большая одалиска [Электронный ресурс]. URL: <https://proza.ru/2017/11/16/1030> (дата обращения 19.03.26)

18. Нохлин, Л. Почему не было великих художниц? пер. с англ. А. Матвеевой; предисл. Кэтрин Грант. - Москва: Ад Маргинем Пресс, 2024. - 95 с.

19. Шапинская Екатерина Николаевна Женщина в культуре: переход на субъектные позиции. Часть вторая // Культура культуры 2018 С.1-11 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenschina-v-kulture-perehod-na-subektnye-pozitsii-chast-vtoraya>

20. Mendes, K., Ringrose, J., Keller, J. Digital feminist activism: Girls and women fight back against rape culture. Oxford University Press / Oxford Studies in Digital Politics. 2019. 272 p.

